переданные Дружиной Осорьиным, — все это расширяет рамки биографии Улиянии, внося в нее элементы семейной хроники.

5

Создавая портрет Улиянии, Дружина Осорьин воспользовался, как мы видели, рядом шаблонных формул житийной характеристики. Но жизнь Улиянии не в монастыре, а в миру, в обстановке деловых хозяйственных хлопот, ставила перед биографом особые задачи: она не укладывалась в устойчивую схему, привычные формулы и фразеологию жития. Поэтому портрет Улиянии имеет ряд черт, чуждых обычным агиографическим нормам и характерных для нее, как для героини светской повести.

Так, например, Улияния под влиянием суеверия окружающей ее среды боится одиночества и темноты: став ночью на молитву в отсутствии мужа, она затем, испугавшись „бесов", в ужасе бросается в постель и, покрывшись одеялом, крепко засыпает. Эта деталь характеристики Улиянии совершенно чужда агиографическим описаниям борьбы святых угодников с бесами. И таких деталей в повести много.

Особенно сильно „Повесть об Улиянии Осорьиной" удаляет от житийного жанра то обстоятельство, что Дружина Осорьин подробно характеризует Улиянию как хорошую домоправительницу: он говорит о ее умении управлять „рабами", об имущественных взаимоотношениях ее и стариков Осорьиных и т. п. И постепенно, вместо „блаженной", перед нами возникает портрет светской энергичной и умной женщины.

Отношение Улиянии к „рабам" изображено в повести во всей своей житейской сложности. Об Улиянии говорится, что она „рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждею, и дело по силе налагаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающаго, ни сапог разрешающаго, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя и исправляша, и на ся вину возлагаше, и никого не оклеветаше..." Здесь целая система взаимоотношений между рабами и их владельцами. В последней четверти XVI в. умная и энергичная помещица отказывается от личных услуг рабов, но в то же время „дело [им] по силе налагаше". Опираясь на контекст повести и исторические свидетельства о роде Осорьиных, можно довольно точно определить это „дело". В повести говорится о том, что Осорьины имели много лошадей и рогатого скота, исторические документы упоминают о их значительных земельных владениях. Не является ли в таком случае это место повести художественным отражением того „сажания" рабов на землю, которое к концу XVI в. сделалось повсеместным явлением?

Вопрос о рабах стоял в XVI в. в тесной связи с вопросом о рабочей силе вообще. Давно прошли те времена, когда „раб был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько обычным товаром